

ГЕРМАНИЯ

Как содержался в концлагере Карл Осецкий

Вся мировая печать, за исключением, конечно, германской, отметила присуждение нобелевской премии мира Карлу Осецкому, как факт величайшего значения. С одной стороны, оно явилось яркой демонстрацией против того очага войны, какой представляет собой «Третья империя», а с другой стороны—послужило доказательством крепнущей мощи выковываемого во всем мире единого народного фронта против фашизма и войны.

Осецкий, как известно, был брошен фашистами в концлагерь, где садисты-палачи едва не довели его до смерти бесчисленными пытками и издевательствами. Лишь в последнее время под давлением развернувшегося во всем мире широкого движения протеста Осецкий был переведен в одно из лечебных учреждений под Берлином,—он продолжал фактически находиться под арестом. Гестапо не дало Осецкому возможности выехать из Германии для получения нобелевской премии, мотивируя запрет «неудовлетворительным состоянием здоровья Осецкого». В то же время фашистское правительство запретило германским гражданам принимать какие-либо награды от Нобелевского комитета.

В связи с награждением Осецкого нобелевской премией, выходящий в Праге журнал «АИЦ» вновь публикует напечатанные в свое время в журнале «Ди Нейе Вельбюне» воспоминания бежавшего из концлагеря заключенного, который в течение восьми месяцев находился вместе с Осецким в тюрьме и в лагере. «Я познакомился с Карлом Осецким,—пишет он,—в Зонненбургской тюрьме. Осецкий был арестован на своей квартире в ночь поджога рейхстага; его потащили в тюрьму, жестоко избивая и угрожая смертью. В апреле 1933 года он был переведен в Зонненбургский концлагерь.

Караульный отряд лагеря состоял из отборных частей берлинских штурмовиков под предводительством штурмфюрера (командира отряда) Бара. В него входили люди из известного в Берлине «отряда убийц».

Осецкий, обвиненный в «измене родине» и несмотря на свое «арийское» происхождение именованный штурмовиками «еврейской свиньей», подвергался особенно жестокому обращению. Во время «строевых занятий» во дворе лагеря его заставляли бегать, ложиться на землю, вставать, снова ложиться. Пьяные штурмовики гонялись за Осецким, осыпая его уда-

рами,—это служило им развлечением. Часто Осецкий не мог подняться после избиений—он лежал, не говоря ни слова, не выдавая ничем испытываемой боли. В такие минуты к нему подходил руководитель отряда Бар, толкал его ногой и рычал: «Подохни же, накоонец, свинья». Когда Осецкий поднимался, его вновь били и толкали. Даже в камере палачи не оставляли его в покое. Внезапно штурмовики врвались к Осецкому в камеру и избивали его без всякого повода. То они придирались к тому, что находившаяся в камере посуда якобы не вычищена, и посылали Осецкого мыть ее у колодца, давая на это пятиминутный срок. Если он не успевал вычистить посуду за эти пять минут, его снова посылали к колодцу и снова избивали. Все новые зверства, изобретаемые мучителями, подорвали здоровье Осецкого.

В это время в иностранной печати появились сведения об ужасающем обращении с заключенными в концлагере Зонненбург.

...Начальником был назначен некий Решке, прибывший в сопровождении специально подобранной своры штурмовиков. Я не в силах описать порядки, воцарившиеся с его приходом. Не проходило и дня, чтобы со двора не уносили избитого и истекающего кровью заключенного.

День и ночь слышали мы крики и вопли истязаемых. Особенно жестоким избиениям подвергался Карл Осецкий. Когда Осецкий был болен, негодяи выводили его из казармы и заставляли часами стоять у двери, вытянувшись в струнку. Часто он падал в обморок. Товарищи уносили его и ухаживали за ним.

Сам Осецкий переносил все эти ужасы с необычайным спокойствием. Он стыдился, что у него дрожали руки, и глубоко запрятывал их в рукава, чтобы никто не видел этого дрожания».

* * *

По последним сведениям, Осецкий получил от ряда норвежских организаций, в том числе от норвежского Общества мира, Ассоциации студентов и др.—предложение посетить Норвегию.

Жалобы фашистских «литераторов»

Некогда Лейпциг считался «столицей немецкой книги». Это было, разумеется, до прихода фашистов к власти. С тех пор как в Германии воцарилась кровавая диктатура фашизма, а германская литература отдана на поток и разграбление Геббельсу и его эмиссарам, Лейпциг

гантское развитие техники вызывает повышение жизненного уровня масс, их культурные запросы неуклонно растут, и неизбежно полное слияние художественных вкусов публики и художников.

Можно верить или не верить в завтрашний день советского искусства, но нельзя закрывать глаза на очевидный прогресс во всех областях коллективной жизни в СССР.

Опубликование этой статьи Винклера в «Работнике» — газете, обычно воздерживающейся от хвалебных отзывов о советском искусстве, — факт, заслуживающий внимания.

Исключение из школы за чтение «Дневника Кости Рябцева»

Реакционная польская газета «Дзенник познанский» в статье, озаглавленной «Коммунистическая проказа среди молодежи», сообщает о следующем «возмутительном» факте:

«Среди учеников гимназии имени Тадеуша Костюшко в Велюни ходила по рукам книга «Дневник Кости Рябцева», автор которой описывает положение в советской школе и систему советского воспитания. Случайно эта книга попала в руки одного из преподавателей. Установлено, что эта книжка являлась собственностью тринадцатилетнего ученика М. Ландана.

Дирекция гимназии, желая проверить, каково отношение учеников к этой книжке, устроила своего рода плебисцит среди тех учеников, которые читали книжку. С особым энтузиазмом об этой книжке отозвался ученик седьмого класса Л. Перцович, который нашел выраженные в ней взгляды правильными и заслуживающими применения. Ввиду этого дирекция сочла необходимым исключить этого ученика из гимназии за его симпатии к Советскому Союзу, о которых он громко заявил. Поскольку такого рода литература не подходит для молодых умов, мы считаем, что дирекция гимназии поступила вполне правильно».

Книга советского писателя Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» была переведена на польский язык еще несколько лет назад и все время продавалась в польских книжных магазинах.

НОВЫЕ КНИГИ

«Кровь» — роман Луизы Эрвье

Премии «Фемина» в 1936 году получила писательница Луиза Эрвье за свой роман «Кровь». Об этой книге Поль Низан дает в «Юманите» следующий отзыв:

«До сих пор Луиза Эрвье была известна как художница, в частности своими иллюстрациями к Бодлеру. Написанные же ею книги почти не привлекали внимания. Последний роман ее «Кровь» принес ей литературную известность, которая несомненно быстро возрастет. «Кровь» — повесть о роке, тяготеющем над одной крестьянской семьей, о проклятии, переходящем из поколения в поколение. Это проклятие — наследственный сифилис, бич каждого поколения несчастной семьи. Таким образом, мы имеем перед собою не только крестьянский, но и социальный роман.

Первые сто страниц книги поражают свою суровостью: образ героини романа Франсуазы достоин стать в одном ряду с великими образами литературы. Однако, цель, которую ставил себе автор этого романа на социальные темы, недостаточно ясна. Луизе Эрвье хотелось, как она говорит, чтобы ее книга явилась криком тревоги. Это, конечно, благое намерение, но мы сомневаемся, действительны ли такие крики».

* * *

Отметив, что в 1936 году литературные премии во Франции были присуждены четырем романам («Печать бога» ван дер Меерша, «Кровь» Луизы Эрвье, «Ноябрьская охота» Рене Лапорта и «Фешенебельные кварталы» Луи Арагона), Поль Низан указывает, что самой выдающейся из всех этих книг является книга Луи Арагона. «Если бы премия Гонкуров, — пишет Низан, — была присуждена этой книге, то это сделало бы честь жюри, но оно предпочло «произведение» ван дер Меерша».

«Юность клерка» — Жюльена Бенда

Недавно в одном из французских издательств вышла книжка Жюльена Бенда «Юность клерка». Эта книга носит автобиографический характер. Жюльен Бенда излагает в ней историю формирования своего мировоззрения.

Об этой книжке Поль Низан пишет в «Юманите»: «Это превосходная книга как по тем сведениям, которые она даст, так и по своему юмору, который не щадит никого, даже самого автора».

«Известно, — пишет далее Низан, — что Жюльен Бенда упорно защищает мысль, что интеллигент должен придерживаться лишь «вечных ценностей», не учитывая даже человеческих страстей. Я не представляю себе более резкой критики этой мысли, чем воспоминания самого Бенда».